Митрополит Иларион: Почему христианство опять становится гонимой религией?

Эхо арабских революций заставило западное общество обратить более пристальное внимание на страны Ближнего востока, поставив перед мировой общественностью болезненную тему гонений на христиан. На вопросы «Нескучного сада» о положении христиан в современном мире ответил председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата митрополит Иларионом (Алфеев).

Неактуальная тема

—У нас люди почти ничего не знают о гонениях на христиан в мире. Когда заговариваешь об этом, то, как правило, слышишь в ответ недоуменное: «А разве их сейчас где-то гонят?». Поэтому первый вопрос – об общей ситуации в мире. Где сейчас христиане терпят наибольшие притеснения и почему?

— Притеснения христиан в той или иной степени имели место всегда. Другой вопрос, почему многие об этом никогда не слышали. Полагаю, что искренняя забота о гонимых последователях Христа просто не представляла (и до сих пор не представляет) особого интереса для сильных мира сего. Хочу привести один пример – конфликт между христианам и мусульманами на Молуккских островах в 1999-2003 годах. Вы что-нибудь слышали о нем? Между тем, конфликт в этой индонезийской провинции повлек большое количество человеческих жертв, были разрушены десятки церквей, 500 000 человек (!) стали беженцами.

В последнее время много говорят о гонениях на коптов — египетских христиан. Но притеснения коптской общины начались не вчера. Сегодня экстремисты нападают на коптов на улице, разрушают и поджигают их храмы в разных регионах Египта, громят принадлежащие им магазины, врываются в их дома и избивают, грабят и насилуют. Страсти в этой стране накалены

до предела, дело дошло до уличных столкновений с силами безопасности.

Поджоги храмов, избиения священнослужителей, нападения на верующих часто происходят в Ираке, Пакистане, Индии, Индонезии, некоторых других странах Азии и Африки. Одной из главных причин этих гонений является радикализация ислама — распространение салафизма, или как его чаще называют у нас ваххабизма. Хотя к этому течению в исламе принадлежит всего 0,1% мусульман, его идеология распространяется очень активно. В любом случае, очевидно, что разжигание межрелигиозной или межэтнической ненависти всегда на руку тем силам, которые используют ее в качестве козыря в своей борьбе за власть и влияние.

—Почему на преследования христиан только в последние месяцы стали обращать серьезное внимание?

— Потому что это не приносило никаких политических дивидендов. То внимание, которое уделяют сейчас мировые СМИ «коптской теме», полагаю, обусловлено общим интересом к так называемой «арабской весне». В действительности и в настоящее время мировое сообщество, правительства ведущих мировых держав уделяют недостаточное внимание продолжающейся эскалации насилия против христиан в некоторых государствах. Была принята резолюция Европарламента по христианофобии, специальное заявление ПАСЕ – и что же? Хотя бы одно из европейских государств оказало политический нажим на власти стран, где христиан систематически преследуют? Нет. Тема дискриминации христиан стала актуальной в последнее время благодаря усилиям христианских Церквей и организаций, которые, наконец, смогли привлечь внимание политиков к этим страшным событиям.

Право на протест

— В одном из своих выступлений Вы сказали, что каждые пять минут за веру в мире гибнет один христианин. Откуда такая статистика?

— Если подсчитать, сколько христиан погибает ежегодно от рук экстремистов только в вышеназванных странах, причем в результате нападений, поджогов, столкновений, то в среднем получится именно такая ужасающая цифра. Эти данные озвучил на одном из международных форумов известный итальянский социолог и религиовед Массимо Интровинье.

— Насколько объективны эти цифры? Не так просто понять, когда христианина убивают за веру, а когда по каким-то другим мотивам. В Египте противоречия коптского

меньшинства и арабов — это ведь и этническое и политическое противостояние. А в таких странах, как Сирия, Ливан православные христиане — одна из традиционных общин, которая ведет свою политику, борьбу за сферы влияния. Можно ли с уверенностью говорить о том, что они терпят гонения именно за Христа, а не за свои политические амбиции?

— Что касается мотивов преследований, то на первый план как раз и выходит религиозная идентичность. Нередко гонители требуют от христиан принять ислам, тогда мол в их жизни настанет спокойствие. На днях появилось сообщение об иранском протестантском пасторе, приговоренном к смерти за то, что он отказывается принять ислам. То, что копты или христиане Ирака умирают за свою веру, не желая от нее отрекаться, характеризует эти события не как межнациональный конфликт, а именно как преследования меньшинства большинством на религиозной почве. Кроме того, если очевидно, что коптское меньшинство (составляющее, по разным сведениям, от 8 до 15 процентов населения страны) едва ли может претендовать на захват политической власти в Египте, то о каком политическом противостоянии может идти речь? Они пытаются всего лишь обезопасить себя от преследований, законодательно закрепить свои права. А им пытаются навязать шариат, лишить их права избираться в парламент, в местные органы власти. На них ежедневно нападают, а временные военные власти Египта не могут обеспечить их безопасность. Какие же тут политические амбиции?

— И все-таки многие из гонимых сейчас коптов являются христианами лишь культурно-исторически, а не на практике.

— В отличие от Европы и Америки, явление «номинального» христианства гораздо реже встречается в странах, где христиане составляют незначительное меньшинство, причем живущее под постоянной угрозой. Да и вообще, в странах Востока вера составляет очень важную часть жизни каждого человека. С другой стороны, даже невоцерковленный человек может стать мучеником за Христа. В истории Церкви достаточно таких примеров. Но, повторяю, в данной ситуации мы имеем дело с целенаправленными атаками на коптское население со стороны воинствующих исламистов, которыми, кстати, руководят отнюдь не темные и необразованные люди, а как раз представители местной интеллигенции. Поэтому коптов гонят именно как христиан, а значит, за имя Христово.

— С чем может быть связано обострение ситуации в Египте? Не считаете ли вы, что

копты сами спровоцировали конфликт?

— Когда миллионы людей десятилетиями живут в атмосфере бесправия именно потому, что они — этническое и религиозное меньшинство, почему же им не выступать за свои права? Тем более что после смены государственного руководства у большинства египтян появилась надежда на улучшение не только экономической ситуации в Египте, но и на политические изменения, связанные с переходом от авторитарного режима к большему народовластию. Однако для коптов это обернулось еще большими гонениями и дискриминацией. Что оставалось им делать в таком положении? Особенно в то время, когда исламисты-радикалы завоевывают все большую популярность среди мусульманского населения, когда нападения на коптов, взрывы и поджоги храмов стали повседневной реальностью. Они пытались привлечь внимание правительства, международной общественности к своему бедственному положению, которое ухудшается день ото дня, а в перспективе грозит сделать из них людей второго сорта. Право на демонстрацию протеста является неотъемлемой нормой для любого государства, называющего себя демократическим.

— Вы часто говорите о необходимости разработать действенный механизм защиты христианских общин, подвергающихся преследованиям. В чем суть этого механизма?

— В первую очередь мировая общественность должна иметь объективную и оперативную информацию о положении христиан в тех регионах, где они являются объектом гонения. А власти государств, заявляющих о себе как о гарантах прав человека, должны незамедлительно реагировать на проявления нетерпимости к христианам.

В последнее время в Западной Европе был достигнут огромный прогресс в защите прав религиозных меньшинств — в частности мусульман. В ответ на предоставление режима максимального благоприятствования выходцам из мусульманских стран власти европейских, традиционно христианских государств, могли бы потребовать уважения прав христиан в странах ислама.

Если мы обратимся к совсем недавнему прошлому, да и к современности, то увидим, что порой смерть даже одного человека влекла весьма строгие санкции по отношению к государству, которое было сочтено виновным в этой смерти. Так неужели гибель сотен и тысяч людей, виновных лишь в верности Христу, не является достаточным основанием для введения санкций против правительств, которые попустительствуют таким убийствам?

Незащищенное большинство

— Когда говорят о гонениях на христиан, обычно имеют в виду арабские страны. Можно ли считать гонениями те поправки к законам, которые принимаются сегодня в Европе?

- Да, воинствующий секуляризм в ряде стран Запада тоже является гонителем христиан. Практика показывает, что положение большинства, которое традиционные христиане составляют практически во всех европейских государствах, далеко не всегда является лучшей гарантией обеспечения их прав. Убедительным примером здесь стало рассмотрение Европейским судом по правам человеком дела «Лаутси против Италии», где обсуждался вопрос о присутствии распятий в школах Италии. Решение этого вопроса в пользу христиан стало возможным лишь благодаря объединению усилий целого ряда государств, сообща выступивших против первоначального решения суда.

Люди, которые игнорируют или ущемляют права и законные интересы христиан в современной Европе, чаще всего исходят из того, что религия — не более чем частное дело индивида и не имеет публичного измерения. Радикальный секуляризм столь же опасен для религиозной свободы, как и религиозный экстремизм.

— Почему в Европе христианство для значительной части общества потеряло значение духовного авторитета? Средний европеец сегодня в лучшем случае равнодушен к Церкви, численность западных церквей стремительно сокращается.

— Причин у этого явления, по-видимому, много, их сознают все христианское Церкви Европы, о них часто говорят и спорят. Я бы не стал идеализировать народные массы в ущерб христианским Церквам, что, дескать, народ всегда добрый и хороший, а Церкви оказались не на высоте, в результате утратив свой авторитет в народе. Церковь, как говорил покойный Святейший Патриарх Алексий II, это народ в его религиозном устремлении, а таким образом, в самой постановке вопроса содержится логически неверная посылка, противопоставляющая Церковь и народ. Когда-то весь народ был в Церкви, а Церковь была народной. Но вот народ в своей широкой массе стал оставлять Церковь — почему? Виноваты ли в этом только епископат и духовенство? Не думаю, хотя и его вина здесь есть.

Однако мы можем увидеть целый комплекс проблем, который возник в результате изменения духовного состояния народа. Произошла смена ценностей. Установился новый вектор развития личности, сформированный телевидением, новой литературой, философией. Смысл самораскрытия личности сегодня видится в неизменном успехе, повышении уровня личного материального благосостояния. Создано потребительское общество, в основании которого лежит эгоизм и гедонизм. Такое мировоззрение противоположно христианскому учению, и оно, естественно, стремится устранить христианство из жизни общества как якобы тормозящее прогресс и творческую самоактуализацию личности.

— История американского христианского фундаментализма радикально отличается от истории европейских христианских церквей. Американские фундаменталисты ответили на вызовы современности «научным креационизмом», харизматическим движением, во многом их агрессивная позиция и риторика сегодня дискредитирует христианство на Западе, может быть в этом причина того, что секуляризация в западном обществе развивается такими темпами?

— Мне кажется не совсем корректным отождествлять фундаментализм и харизматическое движение с одной стороны, и объяснять этим растущую секуляризацию западного общества с другой. Во-первых, явление секуляризации – чисто европейское. Америка, к примеру, с самого начала возникла как светское государство. Более того, в Северной Америке подавляющее большинство граждан имеют ту или иную религиозную идентичность, и из года в год показатели среднестатистического уровня посещаемости храмов не уменьшаются, а наоборот, возрастают.

Харизматическое движение также распространилось по всему миру, особенно в Африке и Латинской Америке, и везде имеет свою местную специфику. Фундаменталисты же – движение во многом стихийное, в его рядах находятся представители самых разных протестантских деноминаций. Если харизматы говорят преимущественно о сверхъестественных дарах, фундаменталисты делают упор на традиционных нормах христианской морали. Так что это разноплановые явления.

Некоторые лидеры фундаментализма в последние годы выступали весьма агрессивно, организовывали громкие акции, один даже прославился тем, что сжег Коран. На мой взгляд, такие действия категорически недопустимы, и такие лжепастыри дискредитируют христианство. Однако возлагать за подобные инциденты вину на все христианство недопустимо.

— И католическая церковь и старые протестантские церкви долгое время на западе занимали привилегированные позиции, их интересы защищала государственная власть. Как Вы считаете, могут ли государственные привилегии и общественный статус Церкви стать залогом ее благоденствия? Но если не на государство, то на кого могут опереться христиане в современном «постхристианском» мире?

— Православные Церкви в своих странах тоже опирались на поддержку государства, и в этом не было ничего плохого. Союз Церкви и государства отражал идею синергии, соработничества. Потому власть монарха освящалась Церковью как власть ее защитника и благодетеля.

После Французской революции в Европе началось постепенное падение монархий, стало меняться представление об источнике власти. Если монархический режим воспринимался как имеющий божественное происхождение (государи правили от имени Бога), то в демократическом государстве, согласно конституции, источником власти является народ. Церковь в такой парадигме — лишь один из институтов гражданского общества. В этом, думается, состоит одна из объективных причин потери Церквами своих позиций в Европе.

Более того, при демократическом устройстве, политики всегда склонны ориентироваться на большинство — это их электорат, а большинству не всегда хочется ограничивать себя в чем-то, следуя традиционным нормам нравственности. Выборному политику остается только завоевывать авторитет, зачастую используя популистские лозунги, способные удовлетворить не слишком сложные ожидания большинства. И Церковь здесь оказывается даже лишней со своей проповедью самоограничения, терпения и смирения. Однако государство не может не замечать Церковь в силу хотя бы той роли, которую она сыграла в становлении того или иного народа, его культуры и идентичности. Отсюда следует, что определенные преференции для Церкви все-таки существуют. Я не стал бы говорить о них как о залоге ее благоденствия. Они могут облегчить для христианских общин решение некоторых стоящих перед ними задач, помочь им наладить свою деятельность в полном объеме. Но они — не самоцель, как и благоденствие само по себе.

— Какие выводы из истории западного христианства может сделать наша Церковь?

— Вывод напрашивается в первую очередь такой: Церковь должна благовествовать о Царстве Божием и предлагать свое свидетельство миру, не обмирщаясь, не отождествляя себя с ним, иначе мы утратим то, что на библейском языке называется солью. Не думаю, что перед нашей Церковью в настоящее время стоят в полном объеме те же проблемы, что и перед протестантами и католиками в начале-середине XX века. Часть из них можно признать сходными, но Россия шла иным историческим путем, нежели Запад, поэтому и специфика у нас разная. Хотя, безусловно, опыт западных христианских сообществ должен нами изучаться и учитываться. Так, например, опыт протестантских сообществ Европы и Америки в XX веке свидетельствует, сколь пагубным может оказаться «подгонка» церковного вероучения под стандарты века сего. Уступив напору мирского мировоззрения и изменив традиционные христианские представления о ряде нравственных норм, антропологии и экклезиологии, протестанты все равно не смогли удержать народ в церкви, хотя либерализация доктрины ими задумывалась прежде всего с этой целью. Несмотря на принятие рядом протестантских деноминаций женского священства, в Европе огромное число общин не имеют своего пастора — проблему нехватки пастырских кадров не удалось решить за счет привлечения женщин. Учитывая эти данные, мы можем лучше понять изменения, происходящие как в нашем обществе, так и во всем мире.

Вопросы задавал Дмитрий Ребров

Источник: https://mospat.ru/ru/news/54950/